

*Тот, кто познал одиночество,
боится потерь именно потому,
что знает, каково это —
быть одному...*

Глава первая

Дождь в городе на краю мира

Он задал вопрос легко, невзначай, будто спросил о погоде на завтра.

— А ты в клубе работала, да?

В клубе? Я сначала даже не поняла, о чем речь, и озадаченно посмотрела на собеседника, но, когда до меня дошло, не раздумывая ударила его в нос. Раздался приятный звук.

— Ты что, дурак?!

Мужчину, задавшего мне неприличный вопрос, звали Муранака, он занимался ремонтом. Я обратилась к ним в компанию, потому что доски на полу в комнате прогнили и прогибались под ногами — я боялась, что провалюсь под пол и окажусь в ловушке в собственном доме. Сегодня он пришел уже в третий раз, если считать первый осмотр. Я пожалела ремонтников, которые вынуждены были работать в самую жару, и вынесла им холодных напитков и даже вкусненькое, а он посмел высказать такое клиенту, который о нем же заботился!

СОНОКО МАТИДА

— Разве можно спрашивать такие неприличные вещи? — всполошился помощник Муранаки — кажется, его звали Кэнта. Он сразу стал суетливо кланяться мне. Несмотря на свою внешность — розовые волосы и пирсинг в носу, — он производил впечатление серьезного парня.

— Простите, простите, пожалуйста. Махоро не имел в виду ничего плохого. У него просто что на уме — то и на языке.

— То есть у него на уме вот это? Он что, все время думал, уж не хостес¹ ли я?

Все работы хороши, это я понимаю, но не слишком ли бесцеремонное заявление? Уже забыл, как я час назад, примерно в три, на полдник вынесла им холодную дыню? Где благодарность? Я зыркнула на Муранаку. Он выглядел на несколько лет старше меня, ему должно было быть около тридцати. Коротко стриженные черные волосы, загорелые на солнце сильные, мускулистые руки. Сначала мне понравилось, как он молча работает или дает Кэнте указания, но теперь он резко упал в моих глазах до мерзавца. Муранака, с покрасневшим носом, почесал затылок:

— Да я не то имел в виду. Бабки наши шумят — мол, наверняка она из этих, вот я и решил заступиться за тебя.

¹ Хостес — в Японии это девушки, работающие в первую очередь в барах и ночных клубах. Они развлекают гостей, подсаживаясь к ним за столики, в том числе побуждая покупать дополнительное угощение для них самих. Не считается достойной профессией.

ПЕСНЬ ОДИНОКИХ КИТОВ НА ЧАСТОТЕ 52 ГЦ

— Не поняла?

Я терпеливо выслушала его объяснения. Похоже, здешние жители считали меня чуть ли не ночной бабочкой, сбежавшей из Токио. Мол, я оказалась в этом совершенно чужом мне прибрежном городке в префектуре Оита, потому что скрывалась от якудза², и мало того, у меня где-то есть шрам, подтверждающий, что они меня все-таки настигли и порезали.

— А я же вижу, что ты совсем не такая, вот и решил удостовериться. Заступиться хотел, — грубовато сказал Муранака.

— Чего? — глупо переспросила я.

Я переехала сюда недели три назад. Городок был слишком уж провинциальный, магазинов нормальных не было, даже круглосуточного с необходимыми товарами — и то нет. Продукты надо было покупать либо в «Ионе»³, до которого двадцать минут ехать на машине, либо в «Кондо-марте»⁴, куда пятнадцать минут надо идти пешком. Прав у меня нет, так что остается только «Кондо-март». Магазин выглядел, как переоборудованный склад, там продавали все подряд: и продукты, и бытовые товары, даже сельскохозяйственный инвентарь. И, конечно, одежду. Платья и футболки с необычными узорами, напоминающими

² Якудза — японская мафия.

³ Аеон — японская сеть супермаркетов, принадлежащих компании Аеон Со., Ltd.

⁴ «Кондо-март» — вымышленный магазин.

СОНОКО МАТИДА

о южных странах, соседствовали с высоченными сапогами-бахилами и синими тарпаулиновыми полотнищами... Полный хаос. Поначалу я в замешательстве разглядывала все эти диковины, но они довольно быстро мне надоели. Это были ненужные мне предметы, а полезных оказалось слишком мало. У них там всего один вид шампуня — куда это годится?

И вот, несмотря на то что я никуда не хожу, кроме этого «Кондо-марта», меня где-то углядели и даже стали обо мне сплетничать. Муранака подтвердил, что как раз там. А ведь я даже парой слов там ни с кем не перекинулась! В ответ на мой вопрос мужчина напомнил мне, что в уголке магазина, где можно перекусить, собирается некая группка. И правда: в тупичке стоят лавки и столы, и, кажется, там всегда кто-то сидит, но я просто не обращала на это внимание, мне было все равно. А вот они моей личностью как раз очень заинтересовались и пристально за мной наблюдали.

— Держится обособленно и загадочно, нигде не работает, но деньги есть — наверняка это оно самое, решили для себя бабульки и заволновались. Городок у нас маленький, пожилым людям заняться нечем, так что, если появляется кто-то новый, какое-то время все внимание на него. А ты, Мисима, больше всех остальных вызываешь интерес.

Бабка Муранаки — одна из группки, которая собирается в «Кондо-марте». Узнав, что внук, с которым она живет в одном доме, ремонтирует

ПЕСНЬ ОДИНОКИХ КИТОВ НА ЧАСТОТЕ 52 ГЦ

что-то у этой странной женщины, она велела все подробно выспросить. Это все с некоторым смущением рассказал мне Муранака, виновато кланяясь:

— Бабуля моя в своих идеях упертая, голос у нее громкий, но, если поймет, что ошиблась, так же громко будет эту оплошность исправлять. Вот я и спросил.

Глядя на его унылое лицо, я подумала, как же это все хлопотно. Мне-то безразлично, пусть считают меня хоть хостес, хоть кем. Если кто-то захочет спросить прямо, вот как сейчас, я ему врежу, а если будут шептаться у меня за спиной — какая мне разница? Но Муранака, кажется, считает, что так нельзя.

— А почему ты решил, что я не такая? — спросила я для начала, и он ответил:

— Ну, как-то так... Ты уверенно стоишь на ногах, дома аккуратно прибрано, продукты хорошие выбираешь. Непохоже, что все это для тебя — просто прикрытие.

— Чего?! — вырвалось у меня. Я действительно собиралась жить здесь долго, вот даже за ремонт взялась.

— А еще в прихожей свежие цветы, да и сад ухоженный.

В доме были веранда, откуда можно было видеть море, и маленький садик, которым я занималась в последнее время. Я рассчитывала, что осенью можно будет сидеть на веранде с бокальчиком чего-нибудь и любоваться луной, отражающейся в морской воде.

СОНОКО МАТИДА

— Хостес тоже могла бы так обустроиться. Это какое-то предубеждение к профессии, — сказала я, а Муранака продолжил:

— Короче говоря, непохожа ты на такую женщину. Ты ведь тоже так считаешь, да? — обратился он за поддержкой к Кэнте. Тот, до сих пор нервно следивший за нашим разговором, покраснел и совсем растерялся. — Совсем непохожа на тех, кого мы знаем. Непохожа, правда?

— Ты чего такое говоришь-то?! Лучше уж совсем молчи! Простите, простите нас. — Кэнта снова склонил передо мной голову. Но потом не удержался и спросил: — Вы же не такая, да? Кажется, его это все-таки беспокоило.

— В жизни таким не занималась, — со вздохом ответила я, и у Кэнты на лице отразилось облегчение. — И якудза за мной не гонятся.

Говоря это, я поняла, что злюсь все больше. Почему я вообще должна кому-то что-то объяснять? Я и правда ни к кому не ходила знакомиться, когда переехала⁵, а что, надо было? Надо было рассказывать — мол, переехала по таким-то причинам? Почему вообще нужно показывать кому-то удостоверение личности только потому, что поселился рядом?

Ну, все. Неужели я ошиблась с выбором места? Ведь специально приехала сюда, чтобы ни с кем не общаться, а в результате опять то же

⁵ В Японии принято при переезде обходить соседей с визитом и небольшими подарками и представляться.

ПЕСНЬ ОДИНОКИХ КИТОВ НА ЧАСТОТЕ 52 ГЦ

самое. Живот чуть повыше пупка заныл, потому я невольно приложила туда руку.

— Кстати, а почему местные решили, что меня порезали якудза? — начала было я, но тут же сообразила сама. Та частная клиника. Шрам ужасно болел, и я обратилась туда за болеутоляющими и антибиотиками.

Невероятно! Разглашение личной информации! Я ведь могу на них и в суд подать!

Меня вдруг оставили силы, и я села прямо на пол.

— А что, про шрам — правда? — удивленно спросил Муранака.

Глядя в его глупое лицо, устало сказала:

— Все равно ведь разболтаешь. Да ладно, какая разница. Можете говорить что угодно: что я хостес, которую преследуют якудза, или порноактриса. Мне все равно, что обо мне подумают.

Мне захотелось прямо сейчас их выгнать, но как же я без отремонтированного пола? Европейская комната⁶, где я собиралась устроить спальню, была в ужасном состоянии, туда даже вещи нельзя было занести.

— Закончите с ремонтом и выметайтесь.

Мне не хотелось даже находиться рядом с ними. Я встала и схватила рюкзак.

— До шести часов меня не будет.

⁶ В японских домах часто есть и комнаты в европейском стиле, и комнаты в японском стиле (с соломенными матами татами на полу, встроенными шкапами и раздвижными дверями).

СОНОКО МАТИДА

— Ой, Мисима, подождите! Мы просим прощения! — заголосил Кэнта, но, проигнорировав его, я вышла из дома.

Морской ветерок коснулся моих пылающих от гнева щек. Я огляделась, решая, куда пойти. Да, все-таки к морю. Если спуститься по переулочку, который вьется между тесно стоящими домиками, то меньше чем через десять минут можно выйти на берег.

Мой дом расположен почти на самой вершине небольшого холма, у подножия которого раскинулось море. Между моим домом и морем — несколько десятков старых домов, половина из которых пустуют. Насколько я знаю, раньше здесь процветал рыбный промысел, но сейчас мало кто становился рыбаком, да и в город многие уезжали, так что никакого оживления в городе не чувствовалось. В общем, сплошное запустение — так мне сказал дядечка в местной администрации, куда я пришла, чтобы зарегистрировать переезд. Он еще тогда обрадовался — мол, мы молодежь приветствуем! Потом указал, что, если выйти к порту и рыбному рынку, там магазинов побольше и место более оживленное, но для меня, бывшей жительницы Токио, большой разницы не было.

Разглядывая проржавевшие от морской воды жестяные крыши и ставни, я спускалась вниз по пологому склону. Обойдя кругом большую усадьбу, где, как мне сказали, когда-то жила семья крупного судовладельца, я вышла на большую улицу. Передо мной открылась ровная, как

ПЕСНЬ ОДИНОКИХ КИТОВ НА ЧАСТОТЕ 52 ГЦ

по линейке, выстроенная дамба. Местами бетон в ней растрескался, там и сям вниз спускались металлические лестницы. Наверное, их соорудили рыбаки — на дамбе всегда можно было увидеть силуэты рыбачащих людей. Вот и сейчас в отдалении стояли двое. Эти деды со сгорбленными спинами торчали там каждый день, но я еще ни разу не видела, чтобы они что-нибудь поймали. Наверное, и сегодня клевать не будет.

Я взобралась по лестнице. Передо мной раскинулось море. Справа виднелись порт и рыбный рынок, вдалеке стояли несколько судов. По левую руку на некотором расстоянии был виден пляж. Там часто плескались местные ребятишки. Я заметила несколько человек, хотя отсюда они казались не больше зернышек. Ветер доносил веселый смех. Кажется, скоро наступят летние каникулы.

Я встала на потрескивавший от жары бетон, широко расставив ноги, и пробормотала: «Зря я так». Из дома я выбежала, не подумав, чем укрыться от сильных солнечных лучей, и если серое худи с длинными рукавами и джинсы защитят руки и ноги, то с лицом — проблема. Я обычно не крашусь. Захотелось вернуться и намазаться кремом от солнца. Хорошо бы и зонтик от солнца взять. Обернувшись, я взглянула вверх, в сторону дома. Отсюда была видна только голубая крыша моего маленького одноэтажного пристанища. Разглядывая ее, я почувствовала, как во мне вновь поднимается раздражение.

СОНОКО МАТИДА

Я приехала сюда, чтобы тихонько жить в этом домике. Жить одной, не привлекая ничего внимания. Для этого и заполучила его. Есть свои неудобства, но у меня было ощущение, что я ко всему привыкну. И надо же — нашлись люди, которые так грубо вторгаются в мое пространство! Бесит!

Мне хотелось вернуться домой, но сталкиваться лицом к лицу с этими мерзкими мужиками не хотелось. Ничего не поделать. Я со вздохом уселась на бетон. Чтобы обеспечить коже хоть какую-то защиту, глубоко надвинула капюшон на глаза и свесила ноги в сторону моря. Болтая ногами, я позволила своему взгляду устремиться вдаль. Поверхность воды рябила и сияла под летним солнцем так, что глазам было больно, красивые дождевые облака отчетливо виднелись над горизонтом, изящно парила какая-то морская птица. Порыв ветра с моря погладил щеки. Я раскрыла рюкзак, вынула плеер, засунув в уши наушники, и включила его.

Закрыв глаза, я прислушалась. Издалека, из глубины доносился голос, отдававшийся в барабанных перепонках, он то ли плакал, то ли звал. Слушая этот голос, я сразу вспомнила Ана. Он бы посмеялся, сказал, что у меня неприличное выражение лица. Я бы спросила, как выражение лица может быть неприличным, неужели лицо — это что-то непристойное? — а он бы рассмеялся куда громче и погладил меня по голове. Это неправда, ты такая утонченная и милая, вот они и напридумыв-

ПЕСНЬ ОДИНОКИХ КИТОВ НА ЧАСТОТЕ 52 ГЦ

вали себе. Когда такая милая девушка совсем одна переезжает в деревню, можно сочинить для этого множество разных причин, намечтать всякого, а эти жалкие люди сумели вообразить только такую дешевку. А ведь это наоборот, как будто начало старого детского аниме...

Он бы наверняка гладил меня по голове и говорил что-нибудь в таком духе.

От одних мыслей о нем в груди потеплело. Если бы мы так беседовали, я смогла бы это пережить с улыбкой.

Но Ана больше нет.

— Почему же ты не взял меня с собой?... — прошептала я себе под нос.

Я бы хотела, чтобы он забрал меня с собой — пусть и против моей воли. Я тогда ничего не понимала, не слушала ничьих советов, меня пришлось бы тащить насильно, но Ан мог бы увести меня, куда угодно. Однако было бы слишком нагло с моей стороны — просить его о таком. Поэтому Ан оставил меня здесь.

Я сосредоточилась на голосе в наушниках. В нем не было пауз, его глубокое звучание не останавливалось. В какой-то момент он превращался в голос Ана, и мне стало казаться, что он, то приближаясь, то удаляясь, зовет меня. Слышишь, Кинако? Кинако, Кинако. Он лишь звал меня, не отвечая на мои вопросы. Я уверена, что это мое наказание.

Кап. На тыльную сторону ладони что-то упало, и я распахнула глаза. Незаметно над головой собрались облака. Не успела я удивиться, как

СОНОКО МАТИДА

почти сразу начался дождь. Я поспешно вскочила и начала искать место, где можно было укрыться от ливня. Засунув плеер в рюкзак, влетела под козырек крыши ближайшего пустого дома, скинула насквозь промокший капюшон и посмотрела на небо. Мне хотелось верить, что это ненадолго, но серые тучи уже затянули все небо. И правда, по радио, кажется, говорили что-то про дождь, который должен был начаться вечером. Мол, будет лить несколько дней или что-то в этом духе. Я посмотрела на часы: до шести больше получаса. Надо было взять с собой хотя одну книжку. Тогда я уселась, обхватив колени руками, и оперлась спиной о стену.

Дождь стоял перед глазами прозрачной завесой. Пейзаж, с которым я успела сродниться, изменил свое лицо, и теперь я словно заблудилась в незнакомом месте. Температура тоже изменилась, в ушах мягко звучал только шум дождя. Раздался какой-то шорох. Я обернулась — это пропрыгала мимо меня маленькая лягушка, непонятно откуда появившаяся. Наверное, ее призвал дождь.

— И почему я здесь? — тихонько спросила саму себя.

Я приехала сюда, бросив все, но в груди тлело раздражение — как будто это меня все бросили. Мне захотелось сейчас же куда-нибудь уехать — но ведь здесь и было это «куда-нибудь».

Я обхватила колени крепче и попыталась закрыть глаза, но тут же услышала приближающееся шлепанье чьих-то ног по воде. Я невольно напряглась, однако это оказался ребенок в лосо-